

Международная деятельность ГК «Росатом» как инструмент энергетической дипломатии России

Бондаренко Никита Дмитриевич

МГИМО МИД России,

Факультет международных отношений, 4 курс

19454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу международной деятельности Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» в контексте внешней политики Российской Федерации и рассмотрению пределов конвертации атомного сотрудничества в политическое влияние. Цель исследования заключается в выявлении институциональной роли «Росатома» в системе международного взаимодействия России и определении условий, при которых зарубежные атомные проекты приобретают внешнеполитическое значение. Научная новизна работы состоит в отказе от упрощённой трактовки атомной энергетики как прямого инструмента политического давления и в интерпретации проектов «Росатома» через призму ограниченной и контекстуальной взаимозависимости. Теоретической основой исследования выступают положения либерального подхода к анализу энергетической дипломатии и теории комплексной взаимозависимости Р. Кеохейна и Дж. Ная, а также концепция энергетической дипломатии в российской и зарубежной научной традиции. Эмпирическую базу состав-

ляют проекты строительства АЭС в Турции («Аккую»), Индии («Куданкулам») и Венгрии («Пакш-2»), различающиеся по контрактным моделям, распределению рисков и роли в национальных энергобалансах принимающих государств. В работе использованы методы сравнительного и институционального анализа, а также case study. Результаты исследования показывают, что зарубежные проекты «Росатома» формируют устойчивые институционализированные режимы сотрудничества, включающие межправительственные соглашения, государственное кредитование, кооперацию в топливном цикле и подготовку кадров. Вместе с тем установлено, что подобная взаимозависимость не гарантирует политической лояльности партнёров и не трансформируется автоматически в инструмент внешнеполитического принуждения. Сделан вывод о том, что атомная энергетика выступает фактором устойчивости и инерционности двусторонних отношений, значение которого определяется ролью конкретной АЭС в национальном энергобалансе и общей конфигурацией внешнеполитических приоритетов государства-партнёра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Росатом; атомная энергетика; энергетическая дипломатия; внешняя политика России; АЭС «Аккую»; АЭС «Куданкулам»; АЭС «Пакш-2»

Для связи с авторами: bondarenkoff130905@gmail.com

The International Activities of Rosatom State Corporation as an Instrument of Russia's Energy Diplomacy

Nikita D. Bondarenko

MGIMO University,
School of international relations, 4th Year
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

ABSTRACT

The article analyzes the international activities of the State Atomic Energy Corporation Rosatom in the context of the foreign policy of the Russian Federation and examines the limits of converting nuclear cooperation into political influence. The aim of the study is to identify Rosatom's institutional role within Russia's system of international interaction and to determine the conditions under which overseas nuclear projects acquire foreign-policy significance. The scholarly novelty of the research lies in rejecting a simplified interpretation of nuclear energy as a direct instrument of political pressure and in conceptualizing Rosatom's projects through the lens of limited and context-dependent interdependence. The theoretical framework is grounded in the liberal approach to the analysis of energy diplomacy and the theory of complex interdependence developed by R. Keohane and J. Nye, as well as in the concept of energy diplomacy as articulated in Russian and international scholarship. The empirical basis of the study comprises nuclear power plant

construction projects in Turkey (Akkuyu), India (Kudankulam), and Hungary (Paks II), which differ in their contractual models, risk-sharing arrangements, and roles within the national energy balances of the host states. The research employs comparative and institutional analysis, as well as the case study method. The findings demonstrate that Rosatom's overseas projects generate stable, institutionalized regimes of cooperation, including intergovernmental agreements, state-backed financing, cooperation across the nuclear fuel cycle, and personnel training. At the same time, the study shows that such interdependence does not guarantee political loyalty on the part of partner states and does not automatically translate into an instrument of foreign-policy coercion. The article concludes that nuclear energy functions as a factor of stability and inertia in bilateral relations, the significance of which is determined by the role of a specific nuclear power plant in the national energy balance and by the broader configuration of the partner state's foreign-policy priorities.

KEYWORDS

Rosatom; nuclear energy; energy diplomacy; Russian foreign policy; Akkuyu Nuclear Power Plant; Kudankulam Nuclear Power Plant; Paks II Nuclear Power Plant

Contact the authors via: ski115@yandex.ru; niktikh0305@gmail.com; maheshadithya35@gmail.com

Современные международные отношения характеризуются усилением конкуренции в сфере энергетики и высоких технологий. На этом фоне возрастает значение энергетической дипломатии — формы внешнеполитической деятельности, направленной на продвижение национальных интересов посредством экспорта энергетических решений, инфраструктуры и технологических компетенций. Особую роль в этой сфере играет атомная энергетика как источник с высокой надёжностью, низким уровнем выбросов и значительным потенциалом для формирования долгосрочных форм международного сотрудничества.

Россия входит в число немногих государств, обладающих полным ядерным циклом и способностью к реализации масштабных проектов в области мирного атома. Ключевым исполнителем этой политики выступает Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», осуществляющая деятельность в десятках стран.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа международной деятельности ГК «Росатом» как инструмента реализации внешнеполитических задач России. В условиях глобального энергоперехода, усиления климатических обязательств и изменчивости геополитической обстановки экспорт ядерных технологий становится не только элементом промышленной стратегии, но и механизмом укрепления международных позиций государства.

Цель исследования — выявить роль международной деятельности ГК «Росатом» как инструмента внешней политики Российской Федерации и выявить пределы конвертации сотрудничества в политическое влияние. Объектом исследования выступает международная деятельность Государственной корпорации «Росатом», а предметом — энергетическая дипломатия России. В рамках исследования нами поставлены следующие задачи. Во-первых, определить институциональную роль ГК «Росатом» в международном сотрудничестве России в атомной

сфере. Во-вторых, при анализе зарубежных проектов компании выявить возникающие риски. В-третьих, определить пределы конвертации сотрудничества в атомной энергетике в политическое влияние.

Хронологические рамки охватывают период с 2007 г. до 2025 г. Нижняя граница связана с созданием ГК «Росатом». Верхняя граница соответствует современному этапу активизации атомной энергетики, сопровождаемому расширением экспортной политики «Росатома», изменениями в международных нормативных подходах (например, включением атомной генерации в европейскую таксономию), а также трансформацией механизмов международного взаимодействия. Для создания контекста используется ретроспективный анализ становления атомной энергетики в СССР, а также событий 1973 г., ускоривших развитие рассматриваемой отрасли в мировом масштабе.

Эмпирическую основу работы составляют проекты, реализуемые «Росатомом» в Турции, Индии и Венгрии. Эти кейсы подобраны таким образом, чтобы отразить географическое и институциональное разнообразие подходов к международной кооперации, включая как крупные энергетические объекты, так и проекты гуманитарного и исследовательского профиля.

В исследовании применяются методы системного и сравнительного анализа, а также исторический подход. Использование метода case study позволило подробно рассмотреть отдельные примеры кооперации и оценить их институциональное наполнение. Такой междисциплинарный подход обеспечивает целостное понимание механизмов трансформации экспортных проектов в устойчивые внешнеполитические форматы.

В российской научной литературе вопрос о «Росатоме» как инструменте внешней политики и ядерной дипломатии пока разрабатан фрагментарно: чаще обсуждаются энергетическая дипломатия в целом или отдельные сюжеты атомного экспорта, тогда как механизмы конвертации проектов в политическое влияние описаны точно.

Среди немногочисленных работ, где «Росатом» рассматривается именно как внешнеполитический актор, выделяется статья М.Ф. Уткиной «Государственная корпорация «Росатом» как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Российской Федерации»^[1]: автор показывает, что госкорпорации дополняют классические институты внешней политики, при этом упор в работе делается на доказательство тезиса о высокой политизированности атомного экспорта. Близкую оптику предлагает А.М. Бобыло в статье «Мирный атом как инструмент «мягкой силы» России за рубежом: миф или реальность?»^[2]. Наконец, Д.А. Миргород и Е.Ф. Парубочая в работе «Атомная энергетика как инструмент внешней политики России на Ближнем Востоке»^[3] на примере конкретных кейсов делают попытку показать, как сотрудничество в сфере мирного атома может способствовать налаживанию политического диалога в странах Ближнего Востока. Отдельно стоит отметить работу А.А. Серегинной^[4], одну из редких попыток прямо описать «Росатом» в логике дипломатического инструментария. В зарубежной литературе проекты «Росатома» чаще всего рассматриваются как угрожающие суверенитету и навязывающие асимметричную зависимость, а не взаимовыгодную энергетическую кооперацию. Характерный пример — публикация итальянского аналитического центра Istituto Affari Internazionali «Russian Nuclear Diplomacy in the Global South, and How to Respond to It» («Российская ядерная дипломатия в Глобальном Юге и способы реаги-

рования на неё»)^[5], где российская ядерная дипломатия описывается преимущественно как инструмент «закабаления» стран Глобального Юга через долговые и технологические привязки^[6]. В более широком массиве работ схожая логика просматривается и в европейском контексте: внимание смещено на риски зависимости от российских поставок топлива^[7], а Росатом нередко трактуется как «политическое оружие» Москвы. При этом часть авторов пытается удержать более взвешенный аналитический подход. Так, Юссеф Саид Фараг и Александр Виммерс в главе «Nuclear Diplomacy: Analyzing Russian Foreign New Build Projects» («Ядерная дипломатия: анализ зарубежных проектов нового строительства России»)^[8] показывают двойственность феномена: «ядерная дипломатия» может работать на развитие партнёрства и привлекательности, но одновременно формирует структурную зависимость, по логике близкую к сырьевой.

Новизна настоящего исследования заключается, прежде всего, в его методологии, а именно, в попытке объяснить роль зарубежной деятельности «Росатома» через призму различных теорий международных отношений, о чем подробнее будет сказано далее. Более того, проекты компании не демонстрируются исключительно через логику «weaponized interdependence», доминирующей в западной академической литературе и некоторых российских работах. В отличие от подходов, трактующих трансграничные инфраструктурные проекты прежде всего как механизмы асимметричного принуждения,

[1] Уткина М.Ф. Государственная корпорация «Росатом» как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Российской Федерации / М.Ф. Уткина // Вестник Бурятского государственного университета. — 2019. — № 3 (41). — С. 72–79.

[2] Бобыло А.М. Мирный атом как инструмент «мягкой силы» России за рубежом: миф или реальность? / А.М. Бобыло // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2018. — № 3 (46). — С. 29.

[3] Миргород Д.А., Парубочая Е.Ф. Атомная энергетика как инструмент внешней политики России на Ближнем Востоке / Д.А. Миргород, Е.Ф. Парубочая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2023. — Т. 28. — № 2. — С. 213–223

[4] Серегина А.А. Дипломатия мирного атома / А.А. Серегина // Геоэкономика энергетики. — 2023. — № 3. — С. 120–131.

[5] Russian Nuclear Diplomacy in the Global South and How to Respond to It // Istituto Affari Internazionali : официальный сайт. — URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/russian-nuclear-diplomacy-global-south-and-how-respond-it> (accessed: 11.04.2025).

[6] The Peaceful Atom in Times of War // Russian Studies Romania. — 16.02.2023. — URL: <https://russianstudiesromania.eu/2023/02/16/the-peaceful-atom-in-times-of-war/> (accessed: 11.04.2025).

[7] Szulecki K. Russian nuclear energy diplomacy and its implications for energy security in the context of the war in Ukraine / K. Szulecki, I. Overland // Nature Energy. — 2023. — Vol. 8. — pp. 413–421.

[8] Farag Y.S. Nuclear Diplomacy: Analyzing Russian Foreign New Build Projects / Y.S. Farag, A. Wimmers // Nuclear Power / ed. by A. Wimmers, F. Böse, C. Kemfert, C. von Hirschhausen. — Cham : Springer, 2026. — P. 215–238.

навязывания политической воли, в статье показано, что международное сотрудничество «Росатома», помимо прочего, ориентировано на содействие формированию энергетической безопасности государств-реципиентов, а также расширение их доступа к технологиям мирного атома на взаимовыгодной и долгосрочной основе. Особенностью данной работы также является попытка выявить закономерности конвертации сотрудничества в атомной энергетике в реальное политическое влияние.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ АНАЛИЗА

Энергетическая проблематика занимает одно из ключевых мест в теоретических и прикладных дебатах в рамках международных отношений^[1]. При этом представители реалистской и либеральной традиций по-разному интерпретируют значение энергетике. В рамках реализма энергетика трактуется прежде всего как стратегический ресурс, используемый в соперничестве между государствами. С этой точки зрения международная энергетическая политика предстает как игра с нулевой суммой, в которой ключевой задачей становится контроль над ограниченными ресурсами^[2]. В результате внешняя энергетическая зависимость интерпретируется в реалистской логике как угроза национальной безопасности, тогда как крупные экспортёры описываются как обладатели «оружия», используемого для принуждения «слабых»^[3].

В рамках реалистского подхода основными и фактически единственными значимыми акторами энергетической политики выступают государства. Именно они определяют контуры энергетической безопасности, а государственный контроль над энергетическим

сектором рассматривается как необходимое условие успешной политики^[4].

Тем не менее реалистский подход в анализе сотрудничества стран в сфере мирного атома значительно устарел в современных условиях. Несмотря на то, что государства все так же играют центральную роль, круг участников энергетической политики значительно расширился за счёт международных организаций, частных компаний и транснациональных корпораций. На это указывает либеральная теория, которая и является доминирующей рамкой для данной работы.

Помимо вопроса об акторах, либералы расходятся с реалистами в том, что подчёркивают способность государств вырабатывать общие нормы и институциональные правила, позволяющие развивать двустороннее и многостороннее сотрудничество. «Торговля энергией» в этой логике понимается как игра с положительной суммой, приносящая выгоды как экспортёрам, так и импортёрам. Ключевым понятием становится взаимозависимость: производители энергии заинтересованы в стабильных рынках сбыта, тогда как потребители выигрывают от надёжного и предсказуемого доступа к ресурсам^[5].

При этом зависимость носит взаимный характер: экспортёры нуждаются в доходах от энергетической торговли и часто связаны с импортёрами и в других секторах, включая промышленность и высокие технологии. Резкое прекращение поставок сопряжено для них с риском экономических потерь и ответных мер, подрывающих социальную и финансовую устойчивость. Помимо общей либеральной оптики, при анализе будут использоваться отдельные теории. К примеру, С. Краснера^[6].

[1] Prontera A. Beyond the EU regulatory state: Energy security and the Eurasian gas market / A. Prontera. — Colchester : ECPR Press, 2019. — P. 36-37.

[2] Kuzemko C. The global energy challenge: Environment, development and security / C. Kuzemko, M. Keating, A. Goldthau. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. — P. 9-10.

[3] Labelle M.C. Energy as a weapon of war: Lessons from 50 years of energy interdependence / M.C. Labelle // Global Policy. — 2023. — Vol. 14. — No. 3. — P. 531-547

[4] Siddi M. Theorising conflict and cooperation in EU-Russia energy relations: Ideas, identities and material factors in the Nord Stream 2 debate / M. Siddi // East European Politics. — 2020. — Vol. 36. — No. 4. — P. 544-563.

[5] Kuzemko C. The global energy challenge: Environment, development and security / C. Kuzemko, M. Keating, A. Goldthau. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. — P. 10-12.

[6] Krasner S.D. Regimes and the limits of realism: regimes as autonomous variables / S.D. Krasner // International Organization. — 1982. —

Она позволит показать, что зарубежные проекты «Росатома» работают не как разовые сделки, а как институционализированные режимы (межправсоглашения, кредитные схемы, правила поставок топлива и возврата ОЯТ, процедуры лицензирования и надзора, стандарты МАГАТЭ). Эти формальные и неформальные нормы структурируют поведение партнёров, снижают неопределённость и «закрепляют» долгосрочное сотрудничество.

Другой важной основой методологии выступает теория взаимозависимости Дж. Ная и Р. Кеохейна^[1]. Она позволяет объяснить, почему экспортные проекты «Росатома» формируют не просто коммерческие связи, а устойчивую взаимозависимость, способную стимулировать сотрудничество даже при политической турбулентности. Долгосрочные контракты, топливный цикл, сервис, обучение кадров и регуляторная координация повышают «стоимость разрыва» для обеих сторон и тем самым сдерживают конфронтационную динамику. При этом такая связность трактуется как элемент более широкой системы комплексной взаимозависимости: она переплетена с другими сферами двусторонних отношений.

В целях повышения концептуальной чёткости исследования представляется необходимым предварительно уточнить используемый понятийный аппарат. В широком смысле предметом данной работы является «энергетическая дипломатия» России. Определение данного термина в российской научной среде дал профессор МГИМО С.З. Жизнин, определив ее как практическую деятельность внешнеполитических, внешнеэкономических и энергетических ведомств, в ряде случаев — совместно с компаниями, по осуществлению целей и задач «внешней

энергетической политики»^[2]. В узком смысле предметом анализа является «дипломатия в ядерной энергетике»^[3], которая является составной частью вышеупомянутого понятия. В данной работе под этим термином подразумевается внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность государств по обеспечению своих экономических и геополитических интересов в международном сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ГК «РОСАТОМ» В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ В АТОМНОЙ СФЕРЕ

Ядерная энергетика в России, как и в Советском Союзе, с момента своего возникновения рассматривалась не только как технологический и промышленный проект, но и как инструмент внешнеполитического влияния. Уже в 1950–1960-е гг. СССР целенаправленно продвигал концепцию «мирного атома», выступая в роли поставщика ядерных технологий, оборудования и образовательных услуг для дружественных государств^[4]. По данным Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), в рамках сотрудничества со странами — членами СЭВ за рубежом были построены исследовательские ядерные установки, направлены свыше тысячи советских специалистов, а более трёх тысяч инженеров и учёных из иностранных государств прошли обучение в СССР^[5]. Подобная практика свидетельствует о том, что ядерные технологии с раннего этапа их развития использовались как канал дипломатического взаимодействия, способствующий формированию устойчивых политических связей и технологической зависимости государств-партнёров от советской научно-производственной базы.

Vol. 36. — No. 2. — P. 497–510. — DOI: 10.1017/S0020818300019032. — URL: <https://doi.org/10.1017/S0020818300019032> (accessed: 29.12.2025).

[1] Keohane R.O. Power and interdependence / R.O. Keohane, J.S. Nye. — New York ; London : Longman, 2001. — 334 p.

[2] Жизнин С.З. Дипломатия в ядерной энергетике / С.З. Жизнин, В.М. Тимохов // Энергетическая политика. — 2017. — № 3. — С. 90.

[3] Там же.

[4] Бобыло А.М. Мирный атом как инструмент «мягкой силы» России за рубежом: миф или реальность? / А.М. Бобыло // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2018. — № 3 (46). — С. 29.

[5] Morokhov I. The first atomic power station and international co-operation in the peaceful uses of atomic energy / I. Morokhov // International Atomic Energy Agency Bulletin. — 1974. — Vol. 16. — No. 3. — P. 45–56.

После распада Советского Союза атомная отрасль столкнулась с глубоким системным кризисом, обусловленным разрывом хозяйственных связей, резким сокращением государственного финансирования и утратой значительной части зарубежных рынков. В этих условиях возникла угроза деградации уникального научно-технологического и производственного потенциала, накопленного в советский период. Ответом на данные вызовы стала масштабная институциональная реформа, инициированная государством, ключевым результатом которой стало создание в 2007 г. Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». Нормативной основой данных преобразований выступили, в частности, Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» (1995)^[1] и Федеральный закон «О Госкорпорации по атомной энергии «Росатом»» (2007)^[2], закрепившие особый правовой статус корпорации и её роль в системе государственного управления.

Госкорпорация «Росатом» занимает уникальное место в российской институциональной архитектуре. В отличие от большинства государственных корпораций, она не ограничивается выполнением хозяйственных функций, а наделена публично-властными полномочиями, что делает её квазигосударственным органом исполнительной власти^[3]. По сути, «Росатом» выступает уполномоченным от имени Российской Федерации субъектом государственного управления в сфере использования атомной энергии. В его компетенцию входят как задачи, относящиеся к оборонному сегменту (включая разработку, производство и утилизацию ядерных вооружений и энергетических установок военного назначения), так и

функции нормативно-правового регулирования и администрирования гражданской атомной отрасли.

Международное измерение деятельности «Росатома» также существенно выходит за рамки обычной внешнеэкономической экспансии. Корпорация выполняет функции, имеющие прямое внешнеполитическое значение, и действует в тесной координации с Министерством иностранных дел России и другими федеральными органами власти. В числе приоритетов её международной активности обычно выделяются укрепление позиций России на мировом рынке атомной энергетики, продвижение российских технологий и услуг, поддержание режимов ядерной безопасности и нераспространения, а также участие в работе профильных международных организаций и форумов. Для сопровождения крупных зарубежных проектов задействуются механизмы так называемого «дипломатического обеспечения», включающие межправительственные и межведомственные договорённости, экспортное кредитование, а также деятельность зарубежных представительств, функционирующих при российских загранучреждениях.

Зарубежная деятельность «Росатома» напрямую соотносится с положениями Концепции внешней политики Российской Федерации. В её последней редакции (2023 г.)^[4] развитие международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии прямо обозначено в числе приоритетов внешнеполитической стратегии России. Особо подчёркивается готовность содействовать удовлетворению энергетических потребностей заинтересованных государств при одновременном уважении

[1] Курашвили А.Ю. Правовые основы международного договорного сотрудничества Госкорпорации «Росатом» / А.Ю. Курашвили // Юридическая наука. — 2016. — № 4. — С. 63.

[2] О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102118565&backlink=1&&nd=102118574> (дата обращения: 11.04.2025).

[3] Уткина М.Ф. Государственная корпорация «Росатом» как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Российской Федерации / М.Ф. Уткина // Вестник Бурятского государственного университета. — 2019. — № 3 (41). — С. 74.

[4] Министерство иностранных дел Российской Федерации. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 12.09.2025).

их суверенного права на формирование собственной национальной политики в энергетической сфере. Принятое в 2007 г. стратегическое решение о создании единого отраслевого центра управления, а также последовательная государственная поддержка атомной отрасли позволили «Росатому» не только сохранить, но и значительно укрепить свои позиции, превратившись в одного из мировых лидеров в сфере ядерной энергетики.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЕКТЫ РОСАТОМА: МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ВЗАИМНЫЕ РИСКИ

Чтобы предметно оценить, какие выгоды получает Российская Федерация от зарубежной деятельности «Росатома» и с какими рисками сталкивается, целесообразно перейти от общих положений к разбору конкретных кейсов. В данной главе рассматриваются три проекта строительства АЭС — в Турции («Аккую»), Индии («Куданкулам») и Венгрии («Пакш-2»). Такая выборка, во-первых, обеспечивает широкий географический охват, а во-вторых, позволяет сопоставить разные контрактные модели и конфигурации взаимодействия с принимающими государствами. Дополнительный аргумент — различная потенциальная роль этих станций в национальных энергобалансах: ожидаемая доля атомной генерации в структуре производства/потребления электроэнергии неодинакова, что помогает точнее оценить внешнеполитическую «отдачу» подобных проектов.

ТУРЦИЯ: АЭС «АККУЮ»

Нынешняя (пятая) попытка реализации турецкой АЭС получила первую лицензию ещё в 1976 г. В 2004 г. были заявлены планы строительства трёх реакторов совокупной мощностью около 5 ГВт с вводом блоков к 2012 г. В 2008 г. конкурс завершился победой российской AtomStroyExport (структу-

ра «Росатома»), однако в 2009 г. тендер был аннулирован после судебного оспаривания процедуры. Поворотным моментом стало межправительственное соглашение 2010 г., подписанное в ходе визита президента РФ Д. А. Медведева в Анкару: строительство и эксплуатация АЭС «Аккую» были закреплены без повторного тендера^[1].

Проект предусматривает четыре энергоблока ВВЭР-1200 суммарной мощностью 4 800 МВт. Строительство первого и последнего блоков началось в 2018 и 2022 гг.; пуск первого блока в актуальных оценках сдвинут на 2026 г., а стоимость выросла примерно с 20 до 25 млрд долл. США. Проектный срок службы — 60 лет с возможностью продления на 20 лет; потенциальный вклад в энергопотребление Турции оценивается до 10%. Ключевая особенность «Аккую» — модель ВОО (build-own-operate)^[2]: «Росатом» строит, финансирует и затем эксплуатирует станцию, принимая на себя базовые финансовые и операционные риски. Доходность проекта закрепляется механизмом закупки электроэнергии: 70% выработки первых двух блоков и 30% — двух последующих должны приобретаться турецким покупателем TETAŞ в течение 15 лет по средневзвешенной цене 123,5 долл. за МВт·ч (без НДС)^[3]. Отработавшее топливо подлежит возврату в Россию, что снижает для Турции потребность в собственной инфраструктуре обращения с высокоактивными отходами. С учётом государственного статуса «Росатома» крайние риски при неблагоприятном сценарии в итоге проецируются и на российскую сторону.

ИНДИЯ: АЭС «КУДАНКУЛАМ»

Проект остаётся ключевым направлением российско-индийского сотрудничества в атомной сфере и реализуется в штате Тамилнад. Институциональная основа заложена межправительственным соглашением 1998 г., а работы были начаты в 2002 г.

[1] Farag Y.S. Nuclear Diplomacy: Analyzing Russian Foreign New Build Projects / Y.S. Farag, A. Wimmers // Nuclear Power / ed. by A. Wimmers, F. Böse, C. Kemfert, C. von Hirschhausen. — Cham : Springer, 2026. — P. 254.

[2] World Nuclear Industry Status Report 2024. — URL: <https://www.worldnuclearreport.org/World-Nuclear-Industry-Status-Report-2024-1046> (accessed: 29.12.2025). — P. 197.

[3] Farag Y.S. Nuclear Diplomacy: Analyzing Russian Foreign New Build Projects / Y.S. Farag, A. Wimmers // Nuclear Power / ed. by A. Wimmers, F. Böse, C. Kemfert, C. von Hirschhausen. — Cham : Springer, 2026. — P. 254.

Первая очередь включает два блока с ВВЭР-1000: коммерческий ввод первого состоялся в 2014 г., второго — в 2016 г.^[1]. В дальнейшем сотрудничество расширили: в 2014–2015 гг. согласовано строительство блоков №3–4, в 2017 г. — №5–6; ввод новых мощностей намечен на вторую половину 2020-х гг. После завершения всех шести блоков установленная мощность достигнет порядка 6 ГВт, что позволит станции стать одной из крупнейших в стране и обеспечить заметную долю выработки.

В отличие от «Аккую», индийский кейс реализуется по классической межгосударственной схеме EPC (engineering-procurement-construction): заказчиком выступает государственная NPCIL, а «Росатом» (и его структуры) обеспечивает проектирование, поставки оборудования и техническое сопровождение строительства. Финансирование частично строится на льготных государственных кредитах РФ. По имеющимся оценкам, первая очередь была профинансирована российской стороной примерно на 30% (с учётом окончательных расчётов после ввода)^[2], блоки №3–4 — ориентировочно на 50% по протоколу о финансировании^[3]; сопоставимая доля предусмотрена и для блоков №5–6^[4]. Принципиально важно, что кредиты фиксированы: если итоговая стоимость растёт, разница покрывается индийской стороной — как это произошло при реализации первой очереди. При этом право собственности и операционный контроль остаются у Индии. Отработавшее топливо на начальном этапе вывозится в Россию для переработки, но в перспективе Индия ориен-

тируется на развитие собственной замкнутой инфраструктуры ядерного топливного цикла, что потенциально сокращает глубину долговременной технологической зависимости.

В Е Н Г Р И Я : « П А К Ш - 2 »

Действующая АЭС «Пакш» (1980-е гг.) обеспечивает около половины выработки электроэнергии Венгрии, что во многом предопределило выбор расширения на той же площадке. В марте 2009 г. парламент поддержал подготовку к строительству новых блоков; в 2011 г. курс закрепила Национальная энергетическая стратегия^[5]. В 2012 г. учреждена компания MVM Paks II Ltd., а в январе 2014 г., в ходе визита президента РФ В. В. Путина в Будапешт, подписано межправительственное соглашение о сооружении двух блоков ВВЭР-1200; генеральным подрядчиком определён «Росатом»^[6].

«Пакш-2» предполагает два реактора общей мощностью 2 400 МВт со сроком эксплуатации 60 лет (с возможностью продления)^[7]. Контрактная модель здесь ближе к «классике»: собственником и оператором остаётся венгерская сторона, российская — отвечает за проектирование, поставки оборудования и строительство. Финансирование основано на государственном кредите РФ до 10 млрд евро (до 80% стоимости), а оставшаяся часть покрывается венгерским бюджетом. В отличие от ВОО (build-own-operate) Россия не получает прав собственности и не участвует в эксплуатации станции.

В рамках реалистской перспективы сотрудничество в сфере ядерной энергетики нередко трактуется как «игра с нулевой сум-

[1] Report of the Comptroller and Auditor General of India on Kudankulam Nuclear Power Project, Units I and II for the year ended March 2017 : Union Government, Department of Atomic Energy: Report No. 38 of 2017 (Performance Audit). — New Delhi: Comptroller and Auditor General of India, 2017. — P. 2.
[2] Там же. — С. 25.

[3] Russia to give \$3.4 billion credit for two more atomic power plants in Tamil Nadu / PTI // The Economic Times. — 2012. — 17 July. — URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/russia-to-give-3-4-billion-credit-for-two-more-atomic-power-plants-in-tamil-nadu/articleshow/15020087.cms> (accessed: 29.12.2025).

[4] Kudankulam's 2 new units to cost Rs 50k cr; Russia to fund half of it // Business Standard. — 2017. — 02 June. — URL: https://www.business-standard.com/article/economy-policy/kudankulam-s-2-new-units-to-cost-rs-50k-cr-russia-to-fund-half-of-it-117060200422_1.html (accessed: 29.12.2025).

[5] Paks II Ltd. Background of the project // Paks II Project : official website. — URL: <https://www.paks2.hu/web/paks-2-en/background-of-the-project> (accessed: 29.12.2025).

[6] Agreement between the Government of Hungary and the Government of the Russian Federation to cooperate on the utilization of nuclear energy for peaceful purposes // Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) : official website. — URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC135724/> (accessed: 11.04.2025).

[7] АЭС «Пакш-II» (Венгрия) : официальный проект // АСЭ РОСАТОМ : официальный сайт. — URL: <https://ase-ec.ru/about/projects/aes-paksh-2/> (дата обращения: 29.12.2025).

нередко трактуется как «игра с нулевой суммой», в которой поставщик технологий получает структурные преимущества и формирует зависимость партнёра, не обладающего развитой атомной отраслью. Однако сопоставление трёх кейсов показывает, что подобная интерпретация плохо описывает современные практики: контрактная база взаимодействия «Росатома» с Турцией, Индией и Венгрией фиксирует взаимные выгоды, но одновременно закладывает риски, релевантные для обеих сторон.

Так, модель ВОО в проекте «Аккую», предусматривающая полное владение и эксплуатацию станции российской стороной, концентрирует существенные финансовые риски на «Росатоме»: издержки, связанные с задержками, сбоями в цепочках поставок и потенциальными внештатными ситуациями, в значительной мере ложатся на российскую компанию. Вместе с тем Турция сохраняет уязвимости иного порядка. Во-первых, она зависит от российского персонала и от закупок электроэнергии. Во-вторых, после завершения 15-летнего соглашения о закупке электроэнергии она будет реализовываться по рыночным ценам, динамика которых заранее не определена. Наконец, положение Турции как фактически единственного покупателя выработки повышает чувствительность к ценовым и политическим рискам, тогда как Россия сохраняет операционный контроль на неопределённый срок, что потенциально может приобретать стратегическое значение с учётом членства Турции в НАТО. Одновременно обязательство российской стороны по вывозу отработавшего топлива снижает нагрузку на Турцию в части обращения с высокоактивными отходами.

Венгерский проект «Пакш-2» также формирует взаимные обязательства и сопряжён с рисками для обеих сторон. Российская Федерация предоставляет кредит, покрывающий основную часть затрат на строительство; ставка порядка 3% является сравнительно низкой для проектов такого масштаба и фактически выступает финансовой уступкой со

стороны Москвы. Как и в других кейсах, Россия берёт на себя обязательства по вывозу и последующей переработке/захоронению отработавшего топлива, что снижает соответствующие риски для Венгрии, но переносит экологическую нагрузку на российскую сторону. В то же время после ввода блоков в эксплуатацию Будапешт оказывается в высокой степени зависимым от поставок российского ядерного топлива компанией «ТВЭЛ», что может рассматриваться как долгосрочная уязвимость венгерской стороны.

С точки зрения распределения рисков индийский проект выглядит сравнительно более сбалансированным: основные финансовые обязательства по постройке (сумма льготного кредита РФ существенно ниже) несёт индийское государство, а не российская сторона, как это предусмотрено в Турции. Для Индии преимуществом является то, что в проекте отсутствует зависимость от российского персонала: управление будут осуществлять национальные специалисты — благодаря договорённостям об обучении кадров и в силу развитости собственной атомной промышленности. Наконец, отсутствие долгосрочного соглашения о покупке электроэнергии по фиксированным тарифам снижает вероятность политизации проекта на стадии эксплуатации

Таким образом, реализацию зарубежных проектов «Росатома» можно интерпретировать в русле либеральной логики ядерной энергетической дипломатии. Риски распределяются между всеми участниками: для России наиболее значимы финансовые и экологические издержки, однако ожидаемые выгоды остаются очевидными. Уже на стадии строительства — до ввода объектов в эксплуатацию — просматривается формирование устойчивой «связанности» между Россией и государствами-партнёрами. Межправительственные соглашения, льготное кредитование, а также договорные механизмы поставок и обращения с ядерным топливом задают институционализованные режимы взаимодействия, которые

снижают неопределённость, повышают предсказуемость обязательств и укрепляют двустороннее сотрудничество.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЕКТЫ РОСАТОМА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ

Количественно «доказать» политическое влияние, возникающее вокруг зарубежных проектов «Росатома», почти невозможно: влияние не является наблюдаемой величиной и редко имеет однозначный причинно-следственный механизм. Один и тот же политический результат (голосование, позиция на переговорах, сдержанная риторика) может объясняться множеством факторов — от внутривнутриполитической динамики и экономической конъюнктуры до союзнических обязательств, угроз безопасности и отношений с третьими странами. Кроме того, влияние проявляется ситуативно и нелинейно: его эффект может становиться заметным преимущественно в кризисные периоды, тогда как в «нормальные» времена он остаётся скрытым. Методологические трудности усиливаются ограниченным доступом к данным: реальные условия контрактов, неформальные договорённости и логика принятия решений часто не публичны. Наконец, практически невозможно построить корректный «контрфакт» — то есть убедительно ответить на вопрос, как изменилась бы политическая линия государства при отсутствии проекта.

Кризис, развернувшийся после 24 февраля 2022 г., сформировал редкую эмпирическую ситуацию, частично компенсирующую эти ограничения. Ужесточение санкционного режима и рост репутационных издержек сотрудничества с Россией стали своеобразным «стресс-тестом» для уже сложившихся режимов взаимозависимости, позволяя наблюдать их устойчивость в условиях резкого повышения политических рисков.

Ключевым фактором, определяющим «удерживающее» значение атомных проектов, выступает не сам факт участия России, а место конкретной станции в национальном энергобалансе принимающего государства. Там, где атомная генерация является системообразующим элементом электроэнергетики, связанные с ней проекты приобретают характер долгосрочного ограничителя политического разрыва. Показателен венгерский пример: действующая АЭС «Пакш» обеспечивает около 48% выработки электроэнергии в стране^[1], а проект «Пакш-2» призван сохранить эту долю по мере вывода старых блоков из эксплуатации. Для Будапешта это означает доступ к относительно дешёвой, стабильной и низкоуглеродной базовой генерации, отказ от которой без равноценной замены сопряжён с существенными экономическими и социальными издержками. При этом «Пакш-2» не следует трактовать как единственный или главный мотив развития отношений Венгрии с Россией, однако регулярное упоминание проекта в заявлениях высших должностных лиц указывает на его заметную политическую значимость.

Иная ситуация складывается там, где проекты «Росатома» не играют сопоставимой роли в энергобалансе. Так, финский проект Hanhikivi-1 даже в случае реализации должен был обеспечивать порядка 8–10%^[2] внутреннего производства электроэнергии. Такая доля не формировала критической зависимости и, как показали события 2022 г., не стала фактором, способным удержать проект в условиях роста политических рисков: Финляндия вышла из него, сославшись на неблагоприятную международную обстановку.

Промежуточное положение занимает Турция. АЭС «Аккую» также рассчитана примерно на 10% национального энергопотребления, то есть сопоставима по масштабу с финским кейсом, однако сотрудничество не

[1] World Nuclear Industry Status Report 2024 // World Nuclear Industry Status Report. — URL: <https://www.worldnuclearreport.org/World-Nuclear-Industry-Status-Report-2024-1046> (accessed: 29.12.2025). — P. 114.

[2] Dalton D. Hanhikivi-1 Construction Start Scheduled for 2020, Says Finland's Fennovoima // NucNet. — 2018. — 29 August. — URL: <https://www.nucnet.org/news/hanhikivi-1-construction-start-scheduled-for-2020-says-finland-s-fennovoima> (accessed: 29.12.2025).

было разорвано — несмотря на членство Турции в НАТО и давление со стороны западных партнёров. Это объясняется не столько величиной атомной доли, сколько общей внешнеполитической линией Анкары, ориентированной на балансирование между Западом и Востоком и на сохранение автономии в энергетической сфере. В турецком случае атомный проект не определяет двусторонние отношения с Россией, но встраивается в более широкую стратегию диверсификации партнёров и источников энергии, что повышает его устойчивость даже в условиях системного кризиса.

Отдельного рассмотрения требует группа стран Глобального Юга. Здесь проследить превращение атомных проектов в самостоятельный фактор политического влияния существенно сложнее, поскольку Россию со многими партнёрами уже связывали устойчивые отношения, сложившиеся задолго до начала ядерного сотрудничества. В таких условиях атомные контракты, как правило, не создают «с нуля» новое политическое сближение, а дополняют более широкий комплекс взаимодействия — военно-технический, торгово-экономический и дипломатический — не задавая его общую логику.

Эффект таких проектов продуктивно описывать в терминах теории комплексной взаимозависимости, разработанной Р. Кеохейном и Дж. Наем. В рамках этого подхода взаимозависимость понимается не как прямой рычаг давления, а как система устойчивых связей, повышающих стоимость разрыва сотрудничества для всех сторон. Зарубежные атомные проекты формируют именно такую сеть связей — через долгосрочные контракты, кооперацию в топливном цикле, техническое обслуживание, подготовку персонала и регулярные контакты профильных ведомств. Даже при ограниченном вкладе в энергобаланс они создают каналы взаимодействия, которые могут сохраняться независимо от краткосрочных политических колебаний. Вместе с тем, по логике Кеохейна и Наея, взаимозависимость не тождественна политическому влиянию. В ряде случаев (в

том числе у крупных держав) она повышает устойчивость рабочих отношений, но не способна существенно изменить стратегический курс или внешнеполитические предпочтения партнёров.

В целом проведённый анализ показывает, что зарубежные атомные проекты «Росатома» не могут рассматриваться как прямой и универсальный инструмент политического влияния. Их внешнеполитическое значение носит контекстуальный и опосредованный характер, определяемый ролью конкретной АЭС в энергобалансе принимающего государства и общей конфигурацией двусторонних отношений. Кризис после 2022 г. продемонстрировал, что такие проекты повышают стоимость разрыва сотрудничества, но не гарантируют политической лояльности партнёров: ядерная энергетика выступает скорее фактором устойчивости взаимодействия, чем инструментом принуждения.

В Ы В О Д

Проведённое исследование позволило выявить особенности и ограничения использования международной деятельности Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» в качестве инструмента внешней политики Российской Федерации. Анализ показал, что атомная энергетика в российской практике действительно выходит за рамки сугубо экономической или технологической сферы и функционирует как элемент более широкой внешнеполитической стратегии, однако её влияние носит опосредованный, контекстуальный и структурно ограниченный характер.

Институциональный статус «Росатома», сочетающий хозяйственные функции с публично-властными полномочиями, формирует уникальную модель взаимодействия государства и корпорации. В отличие от большинства государственных компаний, «Росатом» выступает уполномоченным субъектом государственного управления в атомной сфере, что позволяет интегрировать его зарубежную деятельность в систему внешнеполитического планирования и дипломатического сопровождения. Тем самым

создаётся институциональная основа для использования атомных проектов как канала долгосрочного международного взаимодействия.

Сопоставительный анализ проектов в Турции, Индии и Венгрии показал, что формы и последствия такого взаимодействия существенно варьируются в зависимости от контрактной модели, распределения рисков и роли конкретной АЭС в национальном энергобалансе принимающего государства. Модель ВОО в Турции концентрирует значительные финансовые и операционные риски на российской стороне, одновременно формируя длительную инфраструктурную и операционную связанность. Классические схемы ЕРС в Индии и Венгрии, напротив, ограничивают глубину зависимости партнёров, но сохраняют устойчивые кооперационные связи в сфере топлива, сервисного обслуживания и регулирования.

Кризис международных отношений после 2022 г. выступил своеобразным «стресс-тестом» для ранее сформированных режимов сотрудничества и позволил эмпирически проследить пределы их политической значимости. Анализ показал, что атомные проекты не обеспечивают автоматической политической лояльности и не могут рассматриваться как универсальный рычаг давления. Там, где доля атомной генерации критична для национальной электроэнергетики (как в Венгрии), проекты повышают стоимость разрыва сотрудничества и способствуют сохранению прагматического взаимодействия даже в условиях внешнеполитического кризиса. В случаях, когда вклад АЭС носит ограниченный характер, они оказываются уязвимыми к резкой политизации и могут быть свёрнуты без системных последствий для энергобаланса, что подтверждается опытом Финляндии.

Таким образом, международная деятельность ГК «Росатом» выступает не инструментом прямого внешнеполитического принуждения, а фактором устойчивости и инерционности двусторонних отношений. Её значение заключается в повышении пред-

сказуемости взаимодействия и увеличении издержек резкого разрыва сотрудничества, а не в формировании жёстких политических зависимостей. Это позволяет рассматривать атомную энергетику как элемент поддержания долгосрочного присутствия России в международных отношениях, пределы которого задаются структурой энергобалансов принимающих государств и общей конфигурацией их внешнеполитических приоритетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобыло А.М. Мирный атом как инструмент «мягкой силы» России за рубежом: миф или реальность? / А.М. Бобыло // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2018. — № 3 (46). — С. 27–37.
2. Жизнин С.З. Дипломатия в ядерной энергетике / С.З. Жизнин, В.М. Тимохов // Энергетическая политика. — 2017. — № 3. — С. 85–97.
3. Курашвили А.Ю. Правовые основы международного договорного сотрудничества Госкорпорации «Росатом» / А.Ю. Курашвили // Юридическая наука. — 2016. — № 4. — С. 60–65.
4. Миргород Д.А. Атомная энергетика как инструмент внешней политики России на Ближнем Востоке / Д.А. Миргород, Е.Ф. Парубочая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2023. — Т. 28. — № 2. — С. 214–225.
5. Модникова С.Ю. Развитие энергетики в Индии. Перспективы сотрудничества с Россией по АЭС «Куданкулам» / С.Ю. Модникова, А.Р. Рева // Инновации и инвестиции. — 2016. — № 11. — С. 76–81.
6. Серегина А.А. Дипломатия мирного атома / А.А. Серегина // Геоэкономика энергетики. — 2023. — № 3. — С. 120–131.
7. Уткина М.Ф. Государственная корпорация «Росатом» как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Российской Федерации / М.Ф. Уткина // Вестник Бурятского государственного университета. — 2019. — № 3 (41). — С. 72–79.

8. Szulecki K. Russian nuclear energy diplomacy and its implications for energy security in the context of the war in Ukraine / K. Szulecki, I. Overland // *Nature Energy*. — 2023. — Vol. 8. — P. 413–421.
9. Farag Y.S. Nuclear Diplomacy: Analyzing Russian Foreign New Build Projects / Y.S. Farag, A. Wimmers // *Nuclear Power* / ed. by A. Wimmers, F. Böse, C. Kemfert, C. von Hirschhausen. — Cham : Springer, 2026. — P. 215–238.
10. Prontera A. Beyond the EU regulatory state: Energy security and the Eurasian gas market / A. Prontera. — Colchester : ECPR Press, 2019.
11. Kuzemko C. The global energy challenge: Environment, development and security / C. Kuzemko, M. Keating, A. Goldthau. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. — 317 p.
12. Labelle M.C. Energy as a weapon of war: Lessons from 50 years of energy interdependence / M.C. Labelle // *Global Policy*. — 2023. — Vol. 14. — No. 3. — P. 531–547.
13. Siddi M. Theorising conflict and cooperation in EU–Russia energy relations: Ideas, identities and material factors in the Nord Stream 2 debate / M. Siddi // *East European Politics*. — 2020. — Vol. 36. — No. 4. — P. 544–563.
14. Keohane R.O. Power and interdependence / R.O. Keohane, J.S. Nye. — New York ; London : Longman, 2001. — 334 p.
15. Krasner S.D. Regimes and the limits of realism: regimes as autonomous variables / S.D. Krasner // *International Organization*. — 1982. — Vol. 36. — No. 2. — P. 497–510.
16. Morokhov I. The first atomic power station and international co-operation in the peaceful uses of atomic energy / I. Morokhov // *International Atomic Energy Agency Bulletin*. — 1974. — Vol. 16. — No. 3. — P. 45–56.
17. Farag Y.S. Nuclear Diplomacy: Analyzing Russian Foreign New Build Projects / Y.S. Farag, A. Wimmers // *Nuclear Power* / ed. by A. Wimmers, F. Böse, C. Kemfert, C. von Hirschhausen. — Cham : Springer, 2026. — pp. 215–238.
18. Keohane R.O. Power and interdependence / R.O. Keohane, J.S. Nye. — New York ; London : Longman, 2001. — 334 p.
19. Krasner S.D. Regimes and the limits of realism: regimes as autonomous variables / S.D. Krasner // *International Organization*. — 1982. — Vol. 36. — No. 2. — pp. 497–510.
20. Kurashvili A.Yu. Pravovye osnovy mezhdunarodnogo dogovornogo sotrudnichestva Goskorporacii «Rosatom» [Legal Foundations of International Treaty Cooperation of the State Corporation Rosatom] / A.Yu. Kurashvili // *Yuridicheskaya nauka*. — 2016. — № 4. — pp. 60–65.
21. Kuzemko C. The global energy challenge: Environment, development and security / C. Kuzemko, M. Keating, A. Goldthau. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. — 317 p.
22. Labelle M.C. Energy as a weapon of war: Lessons from 50 years of energy interdependence / M.S. Labelle // *Global Policy*. — 2023. — Vol. 14. — No. 3. — pp. 531–547.
23. Mirgorod D.A. Atomnaya energetika kak instrument vneshnej politiki Rossii na Blizhnem Vostoke [Nuclear Energy as an Instrument of Russia's Foreign Policy in the Middle East] / D.A. Mirgorod, E.F. Parubochaya // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. — 2023. — T. 28. — № 2. — pp. 214–225.
24. Modnikova S.Yu. Razvitie energetiki v Indii. Perspektivy sotrudnichestva s Rossiej po AES «Kudankulam» [Energy Development in India. Prospects for Cooperation with Russia on the Kudankulam NPP] / S.Yu. Modnikova, A.R. Reva // *Innovacii i investicii*. — 2016. — № 11. — pp. 76–81.
25. Morokhov I. The first atomic power station and international co-operation in the peaceful uses of atomic energy /

REFERENCES

1. Bobylo A.M. Mirnyj atom kak instrument «myagkoj sily» Rossii za rubezhom: mif ili real'nost'? [Peaceful Atom as an Instrument of Russia's "Soft Power" Abroad: Myth or Reality?] / A.M. Bobylo // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. — 2018. — № 3 (46). — pp. 27–

- I. Morokhov // International Atomic Energy Agency Bulletin. — 1974. — Vol. 16. — No. 3. — pp. 45–56.
11. Prontera A. Beyond the EU regulatory state: Energy security and the Eurasian gas market / A. Prontera. — Colchester : ECPR Press, 2019.
12. Seregina A.A. Diplomatiya mirnogo atoma [Diplomacy of the Peaceful Atom] / A.A. Seregina // Geoekonomika energetiki. — 2023. — № 3. — pp. 120–131.
13. Siddi M. Theorising conflict and cooperation in EU–Russia energy relations: Ideas, identities and material factors in the Nord Stream 2 debate / M. Siddi // East European Politics. — 2020. — Vol. 36. — No. 4. — pp. 544–563.
14. Szulecki K. Russian nuclear energy diplomacy and its implications for energy security in the context of the war in Ukraine / K. Szulecki, I. Overland // Nature Energy. — 2023. — Vol. 8. — pp. 413–421.
15. Utkina M.F. Gosudarstvennaya korporaciya «Rosatom» kak instrument realizacii vneshnepoliticheskoj strategii Rossijskoj Federacii [The State Corporation Rosatom as an Instrument for Implementing the Foreign Policy Strategy of the Russian Federation] / M.F. Utkina // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2019. — № 3 (41). — pp. 72–79.
16. Zhiznin S.Z. Diplomatiya v yadernoj energetike [Diplomacy in Nuclear Energy] / S.Z. Zhiznin, V.M. Timohov // Energeticheskaya politika. — 2017. — № 3. — pp. 85–97.